

§ 3. Право производителя на продукт. — Понятие о произведении не влечёт за собою понятия о собственности

Кому принадлежит произведенная вещь или форма? Производителю, который имеет исключительное право пользоваться и распоряжаться ею. Это такой принцип, под которым я готов подписаться обеими руками. Никаких доказательств тут не нужно, гг. Пасси и де Ламартин. Я никогда не говорил, что труд — кража, напротив того... «Следовательно, заключают они, продукт составляет собственность производителя. Вы согласны с этим, следовательно мы поймали вас на слове, убедили вас с помощью ваших же афоризмов». Позвольте, господа, мне кажется, что не я, а вы сами введены в заблуждение своею метафизикою и многословием. Позвольте мне сначала сделать вам небольшое замечание, а за тем уже мы увидим, кто из нас прибегает к софизму.

Человек написал книгу, и эта книга принадлежит ему, я с этим согласен, как дичь принадлежит охотнику, который ее убил. Автор может сделать с своею рукописью все, что ему угодно, сжечь ее, поставить в рамку, подарить своему соседу; все это в его воле. Я даже готов согласиться с аббатом Плюке (Pluquet), что если книга принадлежит автору, то она составляет его собственность; но будем избегать неточных выражений. Собственность — собственности рознь. Это слово принимается в различных значениях, и переходит от одного толкования его к другому, — такой способ рассуждения ничто иное, как глупое шутовство. Чтобы сказали вы о физике, который, написавши трактат о свете и сделавшись вследствие того собственником, стал бы утверждать, что к нему перешли все свойства света; что его темное тело преобразилось в светящее, блестящее, прозрачное; что оно проходит 70,000 миль в секунду и до некоторой степени обладает даром вездесущности? Вы пожалели бы, что такой учёный человек сошёл с ума. Почти тоже самое случилось и с вами и, в то время, как вы от понятия о праве собственности на продукт доходите до образования нового рода поземельной собственности, к вам можно применить слова, сказанные правителем Иудеи апостолу Павлу: *Multae te litterae perdiderunt*. Весною бедные крестьянки ходят в лес за ягодами, которые они потом продают в городе. Эти ягоды — их продукт и следовательно,

выражаясь словами аббата Плюке, их собственность. Доказывает ли это, что бедные крестьянки принадлежат к классу людей, называемых собственниками? Если бы дать им это название, то всякий подумал бы, что они имеют право собственности и на лес, в котором растут ягоды. Но к несчастью истина совершенно противоположна такому заключению. Если бы ягодные торговки были собственницами, то они не собирали-бы в лесу ягод для десерта собственников, а сами ели бы их.

Нельзя так легко переходить от понятия о производительности к понятию о собственности, как делал это в 1791 г. Шапелье, который и запутал законодательство по этому предмету. Против попытки установить синонимичность этих понятий вооружается даже и обычай, так как и в разговорном языке, и в науке всеми принято, что хотя один и тот же человек может быть и производителем и собственником, но, тем не менее, эти два названия совершенно различны и часто даже противоположны друг другу. Конечно продукт составляет имущество производителя, но это имущество не есть еще капитал, а тем менее собственность. До этих понятий еще далеко и чтобы дойти до них нужно тщательно разузнать и проложить дорогу, а не шагать на ходулях громких фраз, как делает г. де Ламартин.

Словом, возвращаясь к нашему сравнению, сочинение писателя есть такой же продукт, как и жатва крестьянина. Если мы захотим узнать основание этой производительности, то придем к двум моментам, соединение которых дает продукт: это — труд с одной стороны, а с другой — основной капитал или фонд, который для земледельца заключается в земле, а для писателя в том, что мы назовем пожалуй духом. Так как земля разделена между частными владельцами, то всякий клочок её, с которого возделыватель собирает жатву, называется поземельною собственностью, или просто собственностью; это понятие существенно отличается от понятия продукта, которому оно предшествует. Я не стану разыскивать оснований института поземельной собственности, на которую не нападают мои противники, стремящиеся только добиться её контрафакции. Эти основания не имеют ничего общего с нашими настоящими исследованиями. Я воспользуюсь только твердо установленным различием между земледельческим продуктом и поземельною собственностью и скажу, что ясно вижу, в чём заключается продукт писателя, но не могу найти соответствующего ему права собственности. В чём оно заключается, на каких началах установить его? Размежуем ли мы мир духовный подобно тому как размежевана земля? Я не противлюсь такому размежеванию, если оно возможно, но каким же образом произвести его?... Составляет ли собственность писателя самый продукт его, самое сочинение, материалы для которого почерпнуты из общечеловеческого запаса сведений и которое в свою очередь послужит материалом для дальнейшей разработки? Каким же образом, вследствие каких общественных условий, какой законной фикции, каких оснований совершится подобная метаморфоза? Вот что вам следовало бы разъяснить, но чего вы не разъясняете, без всякой последовательности переходя от понятия о продукте к понятию о собственности; я с своей стороны сейчас же постараюсь разрешить этот вопрос. Литератор — производитель, его продукт принадлежит ему; никто с вами об этом не спорит. Но опять таки, спрошу я вас, что же этим доказывается? Что нельзя требовать от литератора его продукта даром? Так, но что же из этого?

Здесь, впрочем, возникает новый вопрос, который нужно рассмотреть особо.

Версия #1

Зверобой создал 24 марта 2025 03:35:47

Зверобой обновил 24 марта 2025 03:37:52